«Арктика – это свобода». Академик Андрей Головнёв о том, почему Россия – северная страна и как найти язык, на котором говорит её арктическая душа

24.12.2025

Андрей Владимирович Головнёв – директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, один из ведущих российских арктиковедов, член президиума Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук, академик РАН. Под его руководством создаётся фундаментальный трёхтомный труд «История Российской Арктики». В интервью «Научному Петербургу» он рассказал, почему Арктика – это «становой хребет России», как в одной книге уместить десятки тысяч лет истории и чем северная свобода отличается от всех других.

«Когда я ступаю на тундровую кочку, по мне идёт ток свободы»

– Андрей Владимирович, если отбросить официальные формулировки, что лично для вас Российская Арктика?

– Для меня Арктика – это прежде всего ожерелье народов, нанизанное на единую нить Полярного круга. Это не просто территория, а цельная циркумполярная цивилизация со своим особым кодом. Люди здесь живут в условиях вечной экологической революции. Лето и зима сменяют друг друга не плавно, а как взрыв: всё переламывается, бежит, улетает, а потом так же стремительно возвращается.

Представьте: бурная, почти яростная весна, когда тундра расцветает за считанные дни. Осень

– многоцветное полотно, растянутое под низким солнцем. Лето, звенящее от туч комаров. И затем – долгая, медитативная полярная ночь… Это не просто климат – это другая философия времени. У местных народов и календарь иной: год считается за два: год – зима и год – лето.

Их объединяет нечто большее, чем место на карте. Искусство контроля над пространством – умение владеть гигантскими, суровыми просторами. И ещё – власть над собственной судьбой. В краю, где одно неверное решение может стать последним, надеяться можно только на себя. Это воспитывает особую, глубинную свободу.

Арктика для меня и есть свобода в её самом чистом, почти физическом проявлении. Это свобода от давящей плотности городов, от суеты. Стоишь на тундровой кочке, и кажется, будто по телу идёт лёгкий электрический ток – ток абсолютной свободы.

– Если бы история Арктики писалась не на бумаге, а на льду и скалах, чьи имена или образы стали бы первыми буквами в этой летописи?

– Видите ли, сама идея «первой буквы» предполагает автора и точку отсчёта. Арктика этому сопротивляется. Её летопись начинается с тишины и материи – с той археологической глубины, где время измеряется тысячелетиями. Самые ранние памятники – это украшения и бусы возрастом 28–30 тысяч лет. Это не следы выживания, а свидетельства высокой духовной культуры. Первые «буквы» – это орнаменты на кости и силуэты на скалах, оставленные предками тех, кто живёт здесь сегодня.

Если говорить о научном познании, то его истоки – в XVIII веке и петербургской академической традиции. Великая Северная экспедиция 1733 – 1743 годов, инициированная Витусом Берингом, Академией наук и поддержана императрицей Анной Иоанновной, стала не просто географическим прорывом, а актом национального самопознания. В ходе серии крупных экспедиций Россия впервые осознала себя как северную державу. Морские экспедиции под руководством Витуса Беринга смогли описать и нанести на карты почти всё арктическое побережье. Но не только береговая линия стала её открытием. Были собраны колоссальные, уникальные материалы в области этнографии, геологии, ботаники и зоологии, заложившие основы отечественного североведения.

– Поскольку вы говорите о петербургских корнях этой науки, логично, что и современный проект рождается здесь. В чём вы видите роль Санкт-Петербургского отделения РАН сегодня – как хранителя традиции или как активного со-творца?

– Это не просто вопрос формальной поддержки. Сам проект – в своей основе, в самой идее – глубоко петербургский. Потому что именно отсюда, из стен Императорской Академии наук, и начала свой путь русская наука об Арктике. Именно здесь сохранился тот особый дух, та самая интеллектуальная традиция и «вкус к североведению».

Санкт-Петербургское отделение РАН унаследовало не только историю, оно сохранило главное – способность к тому комплексному, мультидисциплинарному взгляду, без которого Арктику не понять. Здесь по-прежнему возможен настоящий синтез – история здесь встречается с этнографией, археология с наукой о климате. Без этого соединения любая история Арктики останется неполной, фрагментарной.

Есть очень точное сравнение: наш гуманитарный «корабль знаний» сейчас должен на время превратиться в ледокол и уверенно двинуться в арктические просторы. Поэтому работа под эгидой Отделения – это не просто официальный статус. Это работа под своей, родной вывеской. Это одновременно и возвращение к корням, и точка отсчёта для нового, современного синтеза.

«Наша страна дозрела до того, чтобы быть первой в Арктике»

– Как родилась идея написать фундаментальную «Историю Российской Арктики» именно сейчас?

– Это совпадение внутренней зрелости и внешнего времени. В какой-то момент я понял, что знаю об Арктике достаточно и обязан это знание зафиксировать. Наступает этап, когда экспедиции и путешествия постепенно уступают место необходимости суммировать собранное, перевести опыт в текст.

Кроме того, арктическая тема сегодня стремительно актуализируется. Все чаще и громче звучит мысль: «Россия – северная страна», и для меня это не метафора, а исторический факт. Я только что написал книгу «Северность России» – и логическим продолжением станет история Арктики как пространства, через которое можно заново увидеть всю российскую историю.

Наконец, общественный запрос. Арктика перестала быть далёкой окраиной. Сегодня это становой хребет страны, её стратегический ресурс и ключевая идентичность. Мы созрели, чтобы признать: Россия – не европейская и не азиатская держава в первую очередь, а северная, арктическая. Наши попытки вписаться в другие парадигмы часто выглядят вторичными. А вот в Арктике мы – первые. И это наша родная стихия, которую пора осознать и описать во всей полноте.

– Почему история Арктики задумана именно в трех томах?

– Три – сакральное, органичное число. В нём есть завершённость и гармония. В арктической традиции, кстати, зимовать втроем безопаснее, чем вдвоём – психологически устойчивее. Три тома – это психологический максимум для современного читателя. А мне важно, чтобы этот

труд был не музейной «мебелью», а живой книгой, к которой будут возвращаться.

Логика изложения будет хронологической: первый том – от глубокой древности до Средневековья, второй – Арктика в эпоху Российской империи, третий – советская и современная Арктика XX–XXI веков.

Как уместить? Не пытаться объять необъятное. Не писать обо всех оленях и кораблях, а выбрать ключевые сюжеты и ярких героев, которые, как линзы, фокусируют в себе целые эпохи. Северный морской путь, феномен ледокола, трагедии и триумфы первопроходцев, мудрость коренных народов. Это будет не учебник, а скорее большое эпическое полотно, где научная точность сочетается с силой художественного слова. Как в хорошем документальном кино, где монтаж позволяет за полчаса прожить десятилетия.

– Кто работает с вами над этим проектом?

– Ядро проекта – сотрудники Центра арктических исследований Кунсткамеры. Сформировался триумвират: Владимир Питулько – лучший археолог Арктики, совершивший выдающиеся открытия вроде Янской стоянки; Павел Филин – специалист по истории Северного пути и поморского судостроения; и я. Мы концептуально «закрываем» три тома, но работаем как единое целое.

Но вокруг – десятки специалистов самых разных направлений: гляциологи, объясняющие нрав льда; климатологи; инженеры-судостроители; оленеводы. История Арктики – это синтез наук. Собирать эти «разные языки» в одну гармоничную историю – задача сложнее, чем дирижировать симфоническим оркестром.

– Ваш личный экспедиционный опыт станет частью книги?

– Безусловно. Я прошел Арктику ногами, грел своим телом вечную мерзлоту, занимался и археологией, и съёмками фильмов, и сбором фольклора. Это даёт не только точность знаний, но и понимание настроения. Арктика сурова, но её безмолвие легко преобразуется в поэзию. Вот это мерцание между реальностью и ощущением чуда я и хочу поймать в тексте. Чтобы от страниц действительно «веяло Арктикой». Иллюстрации – от наскальных рисунков до спутниковых снимков – должны стать не украшением, а продолжением этого рассказа.

– Работа такого масштаба – это всегда марафон. Как вы оцениваете баланс между необходимым временем на осмысление и тем динамичным графиком, который вы себе определили?

– Многое уже написано – нужны сборка, шлифовка, поиск общего дыхания. Мы постараемся уложиться в три года, чтобы не растягивать «удовольствие написания», а продлить «удовольствие прочтения». И да, я открыто признаюсь: я вижу этот трёхтомник основой для большого арктического сериала. Эпического, красивого, настоящего. Такого, чтобы зритель, как и читатель, почувствовал этот самый «ток свободы».

– Что для вас самое интересное и самое сложное в роли главного редактора?

– Самое интересное – не руководить (это скучно), а ваять, создавать образ. Поймать стиль этой повести, этот особый язык. Бывает, пишешь треть книги в муках – не идёт. А потом вдруг «бах!» – находишь нужную интонацию, и всё летит. Главное – не устать ждать этого вдохновения, этого взлёта.

– И последний вопрос. Мы нашли себя в Арктике?

– Думаю, мы только начинаем поиск. Но Арктика – это пространство, где Россия может быть безусловно собой. Без оглядки, без сравнений, без попыток вписаться в чужие парадигмы. Возможно, именно здесь, на этих бескрайних просторах под полярным сиянием, мы наконец совпадём с собственной судьбой.

Академик Головнёв, окинув взглядом кабинет с книгами и картами, сказал: *«Знаете, самое сложное – не собрать факты, а поймать душу места. Когда это случится, история напишется сама»*. Судя по тому, с какой страстью он говорит о Севере, эта душа уже откликается. Осталось лишь перенести её на бумагу – страницу за страницей, том за томом.